ХРИЗАЛИТЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ СВѢТЪ.

Теперь Хризалитъ вступилъ уже въ свѣтъ и показалъ себя оному еще въ первой разъ съ имѣніемъ, которое будучи въ его рукахъ служило ему опаснѣйшимъ средствомъ къ нанесенію другимъ различныхъ бѣдствій, и долженствовало для него быть стольже пріятно. сколько опасно. Въ полномъ изобиліи, при поврежденныхъ нравахъ казался ему свѣтъ театромъ, на которомъ думалъ онъ играть первую роль. Все казалось ему позволеннымъ; да и въ самомъ дѣлѣ, что могло противустоять побѣждающему Металлу, которой расточалъ онъ во всѣхъ безпорядкахъ для удовлетворенія порочныхъ своихъ пожеланій.

Онъ показалъ себя въ первой разъ при дворѣ, гдѣ въ его времена наблюдали щегольство и пышность. Гордость побуждала его взять преимущество предъ первыми изъ королевской свиты. Оскорбленіе, ему тамъ причиненное, было для него тѣмъ досаднѣе, что онъ къ отвращенію онаго не могъ

найти инаго средства, кромѣ мщенія. Итакъ къ защищенію свой чести вызвалъ онъ соперника своего на поединокъ, на которомъ Хризофилъ столь опасно былъ раненъ, что лѣкарь сомнѣваясь долго о возвращеніи прежняго ему здоровья, лишилъ его одного члена, что причинило ему жесточайшее мученіе и болѣзнь, коихъ не будучи въ состояніи снести впалъ онъ въ пресильную горячку.

Хризалитъ симъ двоякимъ униженіемъ не только не былъ приведенъ въ раскаяніе, но еще болѣе раздражился. Онъ пылая мщеніемъ къ своему сопернику, лишь только выздоровѣлъ, то собравъ партію разбойниковъ въ нарочитомъ мѣстѣ, напалъ насвоего соперника. Онъ имѣлъ такое звѣрское удовольствіе, что желалъ еще видѣть и умирающаго. Однакожъ при семъ безчеловѣчномъ поступкѣ застала его команда, чегобъ не случилось, естьлибы онъ изъ ярости не замѣдлилъ при несчастной жертвѣ, дѣлая надъ умирающимъ разныя ругательства. И такъ Хризалита посадили въ темницу. Ни злато, ни чинъ не были въ состояніи освободить его отъ долговременныхъ и скучныхъ розысковъ, касающихся до сего уголовнаго дѣла.

II

Караулъ.

Хризалитъ весьма далекъ былъ отъ того, чтобъ устрашившись опасности и ужаснаго наказанія признаться въ своемъ преступленіи; но вмѣсто того, не взирая на заключеніе исполненное мрака и унынія, издерживалъ онъ свое имѣніе по большей части на подкупленіе судей, и препровождалъ время въ необузданныхъ распюченіяхъ. Ежедневно старался онъ прогонять печаль свою съ недостойными сообщниками его преступленія горячими напитками, отъ коихъ онъ лишался только чувствъ; а вмѣсто того, чтобъ позабыть печаль свою и быть отъ того веселымъ, впадалъ онъ еще въ большее уныніе.

Хризалитъ уличенъ былъ наконецъ въ преступленіи: однакожъ милость начальника и заступленіе дѣлившихъ по себѣ конфискованное его имѣніе перемѣнили заслуженную имъ смертную казнь на вѣчную ссылку. Никто уже не былъ въ состояніи защитить его отъ неупросимаго приговора правосудія. Его лишили богатства, а съ нимъ и всего того, что

ему доставляло золото, сей драгоцѣнный Философскій камень, и опредѣлили къ самой подлой работѣ, включивъ его въ число такихъ людей которые не смотря на ихъ невѣжество и низкость породы, предпочтены ему были въ разсужденіи нравственныхъ достоинствъ; но коихъ онъ. такъ какъ человѣкъ сдѣлавшійся звѣремъ, не почиталъ и малѣйшаго примѣчанія достойными.

Тамъ почувствовалъ онъ содѣланное природою сходство между имъ и весьма убогимъ Шнеефельскимъ жителемъ: но сердце его пребывало нечувствительнымъ противъ всѣхъ ударовъ несчастія. Будучи всегда подлъ, гдѣ надѣялся получить хотя малѣйшую выгоду, и дерзокъ, гдѣ опасался потерять оную, привелъ онъ себя наконецъ въ такое состояніе, что нравъ его совершенно ожесточился и онъ непрестанно обнаруживалъ свою злобу.

III

Нактза.

Въ то время, какъ Хризалитъ долженствовалъ стараться о доставленіи ловлею и прилѣжаніемъ наложен-

наго на него числа звѣриныхъ кожъ, понуждала его врожденная въ немъ праздность подвергнуться лучше жесточайшимъ наказанїямъ, нежели сдѣлать своей лѣности хотя малѣйшее принужденїе. Онъ соглашался охотнѣе снести прежде всѣ роды тягостей, нежели чтобъ чрезъ приведенїе въ дѣйство своихъ силъ подвергнуться хотя малѣйшему безпокойству. Вотъ истинной знакъ въ крайнихъ обстоятельствахъ бездѣльной, подлой и червоподобной души!

Единымъ утѣшенїемъ, которое оставалось Хризалиту, была только Наксза, уроженица тамошнихъ мѣстъ, дѣвица стольже добродушная, сколь и простосердечная. Сколь рѣдка въ тѣхъ странахъ красота бываетъ, столь же удивителенъ былъ и случай, по которому она пришла и познакомилась съ Хризалитомъ. Она была только одна, которая прилагала безполезное стaранїе къ уменьшенїю его нужды, сперва изъ сожалѣнїя, потомъ изъ склонности, а напослѣдокъ и изъ любви. Частїю его обѣщанїя, частїюжъ и наружной честной видъ и величайшая искренность, подъ коими скрывались самые ужасные замыслы, плѣнили сердце невинной Наксзы. Она не только подавала ему средства до-

ставлять наложенное на него число кожъ, но еще то сдѣлала, что обманувши своими ласками его надзирателей и ихъ стражу, освободила его на всегда отъ невольничества и заключенія.

Однакожъ вмѣсто того, чтобъ во время своей свободы познать ему Нактзины услуги, доставившей ему прежнее владѣніе золотою его жилою и свободнымъ оной употребленіемъ, былъ онъ столь безчеловѣченъ, что поручилъ ее одному изъ своихъ служителей и сочеталъ ее законнымъ бракомъ съ такимъ человѣкомъ, которой былъ гораздо развратнѣе и его самаго; ибо ето всегдашняя участь худыхъ господъ, что они имѣютъ во услуженіи своемъ еще подлѣе и гибельнѣе себя людей, которыя своими клеветами, сколько они ихъ могутъ выдумать, и хитрыми поступками доводятъ господъ своихъ до того, что извѣстныя уже всему свѣту дѣла ихъ почитаютъ они еще за неизвѣстныя. Хризалитъ безъ укоризны и раскаянія почиталъ себя обязаннымъ единому только своему остроумію и разумному употребленію власти, полученной имъ надъ простосердечною Нактзою.

IV.

ИЖДИВЕНІЕ.

Едва увидѣлъ себя Хризалитъ опять въ сіяніи прежняго богатства, то вдался во всѣ безпорядки необузданной роскоши. Все, чегобъ онъ ни захотѣлъ, было для него готово, не смотря на опасность, труды, издержки и укоризны, которыя для чувствительнаго сердца много бы стоили. Однакожъ все то служило болѣе къ возбужденію его страстей, нежели къ утоленію оныхъ. Всѣ Апиціанскія кушанья были собираемы для возбужденія въ немъ хорошаго вкуса. А именно: титьки чуцкихъ свиней, верблюжьи ноги въ спиртѣ вареныя, соловьиные и павлиные языки, птичьи гнезда изъ Тунквина, барбеновы бороды, перлы въ винномъ спиртѣраспущенныя, однимъ словомъ всѣ кушанья представляемы были расточителю и истощенному его желудку: однакожъ они служили болѣе къ разслабленію, нежели къ подкрѣпленію потерянныхъ и во зло употребленныхъ силъ.

Хризалитовы палаты денно и нощно звенѣли отъ Вакхантическаго шума грубыхъ и стольже злобныхъ,

какъ онъ и самъ былъ, товарищей его въ похотливыхъ удовольствїяхъ. А друзья его тѣ только были истинные и съ тѣми только дѣлилъ онъ употребленїе своихъ сокровищъ, которые радовались о его роскошахъ, удовлетворяли его желанїямъ, помогали ему мстить противъ отваживающихся ему противиться. Онъ искалъ удовольствїя своего больше въ мученїи при немъ находящихся слугъ, въ ихъ уничиженїи, въ подлыхъ услугахъ, къ коимъ онъ самъ ихъ принуждалъ, и въ содѣланїи самыхъ звѣрскихъ безпорядковъ, отъ коихъ и сама природа трепещетъ, нежели въ благодѣтельныхъ поступкахъ, которыхъ онъ со тщанїемъ убѣгалъ, частїю для того, чтобъ навсегда удалиться отъ требующихъ его помощи, частїюжъ для того, что онъ поставлялъ свое удовольствїе смотрѣть на бѣдность людей, сравнивая свое благополучїе и мнимыя заслуги съ ихъ недостаткомъ и малыми достоинствами.

V.

Невинность.

Въ одинъ день употребивъ безчисленныя сокровища, получилъ Хриза-

лишъ власть надъ прелестнѣйшею особою изъ одного весьма знатнаго Италїянскаго дома. Онъ покусился обмануть ее хитростїю и насильственнымъ образомъ затащилъ ее въ вольной домъ, гдѣ надѣялся скрытно и притворно совершить свои гнусныя намѣренїя. Одинъ неизвѣстной чужестранецъ долго смотрѣлъ на такой дерзкой поступокъ, и Хризалитъ совсѣмъ намѣревался уже произвесть свое предпрїятїе надъ невинною жертвою въ то самое время, когда она боровшись съ нимъ выбилась изъ силъ,

Умилосердся! вскричала безпомощная дѣвица, возврати меня родителямъ, у которыхъ ты меня силою похитилъ. Ни чинъ твой, которой ты самъ обезчещиваешъ, ни богатства, мерзскимъ образомъ тобою употребляемыя, не понудятъ меня когда нибудь склониться на твое зловредное намѣренїе. — Скажи самъ, не подло ли заманить меня сюда для того только, чтобъ удовольствовать скотскїя свои желанїя столь неистовымъ образомъ? Свирѣпство твое хуже нападенїя Геенны. Прошу тебя ради Бога, лиши безпомощное творенїе лучше жизни, нежели чести, безъ которой оно жить не можетъ.

Великодушной чужестранецъ подошедъ схватилъ одною рукою Хризалита и ударилъ его о землю; а другую подалъ цѣломудренной дѣвицѣ. Удалясь съ нимъ пошла она къ своимъ родителямъ, исполнена будучи благодарности къ сему добродѣтельному помощнику: но Хризалитъ не узналъ, кто былъ причиною его злополучїя, покушаясь лишить его жизни. — Мщенїе было уже тогда прїятно для его безчеловѣчнаго сердца, и гдѣ онъ ни видѣлъ лишающихся душевнаго спокойствїя, всегда чрезмѣрно тому радовался и всѣми силами старался, чтобы людямъ, сдѣлавшимъ ему хотя малѣйшее неудовольствїе, вѣчно мстить и дѣлать ихъ несчастливѣйшими въ свѣтѣ, что единымъ только дїаволамъ, довольствующимся мщенїемъ, можетъ быть свойственно.

VI.

МУЧЕНІЕ.

Сколь сїе долженствовало быть прискорбно для Хризофила, который въ жалости достойномъ питомцѣ своего сердца, и въ основателѣ своего дома ничего болѣе не видѣлъ, кромѣ достойнаго презрѣнїя и ненависти всѣхъ

людей безчеловѣчнаго сластолюбца, котораго казалось счастїе для того только и возвысило, чтобы показать свѣту, что богатство есть удѣлъ только тѣхъ, коимъ природа отказала въ лучшихъ своихъ дарахъ, какъ-то въ разумѣ, благонравїи, въ любви къ добродѣтели и презрѣнїи сокровищъ. Сколь болѣзненно долженствовало быть сїе для такого отца, которой во всю жизнь старался только о счастїи своего сына, о своемъ же ни мало не радѣлъ, и только тамъ надѣялся опять найти оное, гдѣ его со всѣмъ не было. Хризофилъ былъ второй Iовъ въ багряницѣ, ибо его не столько безпокоили упреки всѣхъ прежнихъ его несчастїй, случившихся въ молодыхъ лѣтахъ, сколько теперь мучительныя напоминанїя, которыя при наказанїи Хризалита за его скверныя поступки ввергали его еще въ большую печаль и заставляли самаго себя стыдиться.

Хризалитъ вмѣсто того, чтобъ симъ тронуться, находилъ еще первое свое удовольствїе въ огорчительныхъ упрекахъ, дѣланныхъ своему отцу, и во всѣхъ досадахъ, которыми могъ оскорбить его старость, и ни о чемъ болѣе не старался, какъ только о томъ, какъ бы избавиться несно-

ныхъ своихъ надзирателей и дать возчувствовать своему отцу всю тягость несчастія.

VII.

АГАТА.

Между всѣми жертвами богатства и любострастія Хризалитова, не было почти ни одной такой женщины, которая бы за свое обольщеніе и безпорядки, въ кои безъ умѣренности вдавался сластолюбивой расточитель, не отмстила ему подобнымъ наказаніемъ и самымъ чувствительнымъ презрѣніемъ.

Одна употребляла его сокровища единственно на содержаніе своихъ любовниковъ, явнымъ образомъ отъ нее ему предпочитаемыхъ. Когдаже онъ выговаривалъ ей въ невѣрности; то давала она ему знать, что она не обязана его любить, что другіе по видимому гораздо больше его то заслуживаютъ; и потому онъ никакого права не имѣетъ ей указывать, какъ бы она себя ни вела.

Другая принуждала его чувствовать еще гораздо большія униженно-

сти. Она принимала его съ презрѣнїемъ, которое онъ по справедливости заслуживалъ, ругала его чувствительнѣйшимъ образомъ въ присудствїи его ласкателей, и управляла имъ со всякимъ тиранствомъ, какое только хитрая женщина можетъ имѣть надъ малоумною головою безумнаго похотливца.

Третїя, которую онъ возвысивъ изъ самаго нискаго состоянїя, снабдилъ неожиданнымъ ею богатствомъ, могущимъ обольстить и сдѣлать гордыми и самыя скромныя сердца, вдавшись въ неистовые поступки, сообщала ему горящїй ядъ страстей, варившїйся въ ея жилахъ.

Одна токмо Агата, какъ великимъ воздержанїемъ, такъ и достойнымъ любви и почтенїя поведенїемъ, изключилась изъ числа прочихъ несчастныхъ творенїй, находящихся во власти его, отъ части добровольно, отъ части по нуждѣ, отъ части по жертвованїю безчеловѣчныхъ родителей. Между послѣдними была и любви достойная Агата, которая начала исправлять его характеръ.

VIII.

Ея произхожденіе.

Она никогда не имѣла счастія знать своихъ родителей; ибо отдана была еще въ нѣжномъ младенчествѣ для воспитанія пастушкѣ изъ Алпійскихъ горъ нѣкоторою Французскою дамою, которая изъ Италіи опять уѣхала во Францію. Она и другое еще дитя, по имени Филантропъ, воспитывались въ дикихъ странахъ необитаемыхъ горъ даже до двенатцати лѣтъ, не зная совсѣмъ той госпожи.

Филантропъ заблаговременно удалился изъ дикихъ пастушьихъ жилищъ, для сисканія своего счастія, хотя и незналъ, гдѣ и какъ можно найти оное; однакожъ по случаю опредѣлился къ представленію важнѣйшей Роли.

Одна лишь Агата казалось была въ тягость для своихъ названныхъ родителей. Однажды Хризалитъ ѣхавъ чрезъ сію страну въ Піомбино, увидѣлъ прекрасную и цѣломудренную Агату, которая будучи пастушкою ни очемъ болѣе не заботилась, какъ только о скотоводствѣ, о платьѣ,

которое она обыкновенно сама для себя дѣлала, и о пѣсняхъ, служившихъ ей единымъ удовольствїемъ.

Все, что для Хризалита ни казалось новымъ, производило въ немъ тотчасъ желанїе, чтобы помощїю богатства своего получить то въ свое владѣнїе. И такъ онъ немедленно купилъ сїю бѣдную и никакого свѣдѣнїя о своемъ родѣ не имѣющую дѣвицу у ея воспитательницы, и взялъ ее къ себѣ въ домъ, гдѣ надѣялся скоро ее склонить къ своимъ предпрїятїямъ. Однакожъ какъ природа и въ самыхъ отдаленныхъ степяхъ не рѣдко производитъ склонность къ благороднѣйшимъ дѣламъ и при самой пастушеской жизни; то Агата ни къ чему болѣе не была склонна, какъ къ гласу добродѣтели и цѣломудрїя; сердце ея противилось всякому невольническому принужденїю.

IX.

ХАРАКТЕРЪ.

Чемъ болѣе старался Хризалитъ показывать ей свое богатство, хвалиться достоинствомъ, состоянїемъ и мнимыми преимуществами знатной

своей породы; тѣмъ менѣе почитала она его; ибо она видѣла по довольномъ разсужденіи, что какъ бы скоро предалась его неистовствамъ, къ коимъ часто склоняли ее подруги; то была бы также несчастлива, какъ и всѣ они. Она всегда съ нимъ обращалась важно и гордо, что Хризалитъ ни чѣмъ болѣе укротить не надѣялся, какъ только принужденіемъ и суровостію.

Онъ лишилъ ее всякаго спокойствія, которымъ она прежде наслаждалась, удалилъ отъ нее подругъ и поступалъ съ нею безчеловѣчно, чрезъ что подавалъ только способъ, чтобъ она его еще болѣе возненавидѣла.

Однакожъ Агата къ великому его удивленію все то сносила равнодушно; ибо будучи еще съ самаго младенчества весьма худо содержана, научилась уже она сносить терпѣливо всякія нужды.

Ничто не могло ее принудить къ согласію на столь недостойной его поступокъ. Ни ласковостію, ни принужденіемъ не могъ онъ ее склонить къ своимъ намѣреніямъ: ибо она довольно знала какъ честь его, такъ и вольность, отъ природы ей данную. Она равно-

мѣрно презирала его подарки, какъ и его наказанія, и на прозьбы его съ такимъ же хладнокровіемъ взирала, какъ и на угрозы.

Лишите меня жизни, говорила она; я нахожусь въ вашей власти, по праву свойственному всякому тигру. Но о томъ совсѣмъ не думайте, чтобы овладѣть моимъ сердцемъ, не заслуживши онаго. Естьлиже вы хотите сдѣлаться его достоинымъ; то даруйте мнѣ опять вольность, которой лишать меня не имѣете вы никакого права. Вы изъ того никакой больше пользы не получите, какъ только сдѣлаетесь достойнымъ всякаго наказанія; а я буду несчастливѣйшею въ свѣтѣ женщиною. И такъ что вы надѣетесь получить отъ любви моей?

X.

Случай.

Такимъ образомъ обращаясь Агата, сдѣлала на конецъ то, что Хризалитъ, утолявшій до того времени грубыя свои страсти беззаконнымъ образомъ, вдругъ возчувствовалъ въ себѣ нѣкоторой родъ изумленія, почтенія, а на послѣдокъ нѣжную лю-

бовь къ Агатѣ. Сїя великая перемѣна такъ скоро въ немъ воспослѣдовала, что онъ не былъ уже болѣе господиномъ своихъ страстей и предложилъ Агатѣ въ скоромъ времени о бракосочетанїи. Сїя любви достойная дѣвица примѣтила уже перемѣну въ его свойствѣ, да и въ самомъ дѣлѣ онъ такъ исправился для своей выгоды, что прежняя его охота къ злобнымъ и безчестнымъ поступкамъ перемѣчилась по видимому въ ту самую скромность, которая начала владычествовать надъ его сердцемъ. Она въ самомъ дѣлѣ надѣялась привести его къ добрымъ дѣламъ тѣмиже средствами, какими она доселѣ исправляла его свойство. По сему и вручила она ему свою руку частїю изъ страха, чтобъ онъ надъ собою чего нибудь не сдѣлалъ, частїюжъ и изъ увѣренїя собственнаго ея сердца, которое полюбивши его предвѣщало ей, что скоро будетъ наслаждаться прежнимъ спокойствїемъ духа и владѣть безчисленнымъ иждивенїемъ.

Хризофилъ обнадѣживалъ ее, что будетъ ее любить отеческою любовїю, которою онъ былъ обязанъ за ея хорошее поведенїе: но Хризалитъ по врожденному непостоянству и вѣроломству стольже скоро позабылъ свое обѣ-

щаніе, какъ и клялся ей въ вѣрности и любви своей.

Несчастная Агата вскорѣ увидѣла себя оставленною отъ своего мужа и подверженною подлѣйшему обхожденію. Онъ изгналъ ее даже изъ своего дома и она съ немалымъ трудомъ нашла убѣжище въ домѣ бѣднаго деревенскаго священника Іеронима, гдѣ избавилась она отъ Хризалитова безчеловѣчія.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.